

АНДРЕЙ
БЕЛЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б43

Белый, Андрей.

Б43 Стихотворения / Андрей Белый. — Москва :
Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-217362-2

Андрей Белый (1880–1934) — одна из ключевых фигур Серебряного века, чьё творчество стало неотъемлемой частью культурной жизни той эпохи. Он вошёл в историю не только как поэт и прозаик, но и как тонкий мыслитель, стремившийся осмыслить глубинные процессы человеческой души и мировой культуры. Его стихотворения поражают необычной образностью. В них мистическое и метафизическое соседствуют с острой современностью. Этот сборник позволяет вновь услышать голос Белого — одного из самых значительных новаторов первой половины XX века.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Беяева В. А. предисловие. 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-217362-2

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ:
дух и культура

«...нечто внечеловеческое, дочеловеческое и сверхчеловеческое чувствовалось и слышалось в нем гораздо сильнее, чем человеческое...»;

«...умел быть и прост, и уютен: *gemüthlich* — по любимому его слову...»;

«...старинный, изящный, изысканный, птичий — смесь магистра с фокусником, в двойном, тройном, четвертном танце...».

Андрей Белый — фигура многогранная, если не сказать противоречивая. Концентрация на противоречивости (крайностей не избежать), в которых так часто Белый — пророк / чудака; для рассмотрения его лучше подойдёт оптика калейдоскопа. В этом смысле высвет в трагикомедийном жанре

(сам Белый по этому поводу сетовал) пусть будет не укором, а оправданием — способом увидеть самое обычное — человеческое. Многоаспектность взгляда — лейтмотив его творчества, стихотворения — один из возможных углов зрения на фигуру целого, из нескольких штрихов, слагаемых в контрапункты, «кратким пробегом» по основным струнам жизни — обнаружение среза, в котором Андрей Белый оказывается скорее жестом.

«Боренька Бугаев» родился 14 октября 1880 г. в семье московского профессора математики, он студент-естественник, в 1903 году «„Основы химии” Менделеева — в одной руке, „Апокалипсис” — в другой», студент историко-филологического факультета в 1904 г. «под влиянием Упанишад», штудирующий Канта и Когена.

«Андрей Белый» — как псевдоним, фикция, маска, личина, возникшая в гостях у Соловьёвых, результат медитаций — символического познания цвета. Символ, цвет, музыка, ритм — основные черты «схемы композиции» жизни Белого, изгибы её — арсисом, тезисом: «тема в вариациях».

Мерцающее зарождение цветовой палитры пронизывает стихотворную ткань «Золота в Лазури», ее же и создавая. Цветовая символика — тайна природы, для русского символизма дар немецких романтиков — Гёте, Новалиса. С другого угла — подмигивание «премудрости» Вл. Соловьёва, «золото и лазурь — иконописные краски Софии». И хоть Белый будет обнаруживать черты «вечной женственности» в своих пассажах (чего стоят одни только юношеские письма Т.Н. Морозовой):

«Вы — моя заря будущего. В Вас — грядущие события. Вы — философия новой эпохи...»;

золото и лазурь — прежде всего краски природы;

«я часами изучал колориты полей и о них слагал строчки; книгу же стихов назвал „Золото в лазури“, „золото“ — созревшие нивы; „лазурь“ — воздух».

Конечно, сама природа нуждается в отдельном осмыслении. Для Белого это символ — сплетённость природы человеческой и универсума; после — эмблематизм. Природа нерасторжима

с солнцем, и к солнцу, за золотым руном, отправятся аргонавты — творческое содружество вокруг Белого.

Своим друзьям — Блоку, Серёже Соловьеву, Бальмонту, Брюсову, Эртелю, Метнеру, Мережковскому и многим-многим другим — Белый адресует стихи из «Золота в лазури». И пусть читателя не пугают противоречия, которые он обнаружит на страницах воспоминаний (порой крайне нелицеприятных) о них же — для Белого человек никогда не застывшее, но всегда обновление. Воспоминания Белый пишет скорее с юмором, уже после мореплавания, когда мореплаватели по всем канонам жанра «рассеялись к пристаням». А в начале века, в самом эпицентре событий, зигзаги и выверты судьбы переживаются Белым поистине драматично. Сборник «Пепел» — результат таких переживаний — знак кораблекрушения.

«„Безумец” — последние строчки стихов, написанных для «Золота в лазури», уже набираемого в типографии Воронова; через дней девятна-

дцать — вскрик первых стихов, но уже отнесенных к сборнику «Пепел»».

Здесь, в промежутке между концом одного сборника и началом другого, клином — любовь. Позже, гораздо позже Белый переосмыслит значение любви:

«л, ю, б, о, в, ь; надо сложить из них слово: *любовь*; лишь в этом осмысливании — оправдание мудрости как человеческой мудрости»,

а пока что из револьвера в него целится Нина Петровская, попадает в Брюсова, в итоге к Брюсову и уходит, у самого же Белого плавно совершается переход от «Огненного ангела» к «Прекрасной даме», и вдруг в переписке с Флоренским выявляется «Андрюха Краснорубахин» (вполне метаироничный псевдоним). Но причину, события, ироничными назвать никак нельзя: «... я еще раз усомнился во всем, что я считал ценностью, усомнился в искусстве, в символе, в Боге» — письмо 14 августа 1905 года. В январе 1905 г. Белый наблюдает красный террор. Так, «Пепел» — отражение

кризиса масштаба не только индивидуального, но и социально-политического — надрыв зреющего раскола между «городом» и «деревней»:

«...широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры».

Остывший пепел Белый сметает в «Урну» (изначально это был единый сборник «Закатные прахи», по рекомендации Сергея Соловьева поделённый на две части), и адресует урну Брюсову — в знак примирения. Но снова между двумя частями излом — печать нахождения в Парижской больнице с заражением крови.

В больнице его навещают Мережковский, Философов, Бальмонт с супругой, Гиппиус пишет письма матери Белого, ему передаёт приветы Жорес. Пережитое состояние, как назовёт его сам Белый, — «гроб истлевшей души», «эманация душевного одиночества» — тона зимы, холода, метели, пурги. По возвращении в Москву он, скрываясь от душевных терзаний (виной тому Лидия Блок),

погружается в ещё более тщательное изучение философии, в основном Канта и неокантианства, маркер тут «Философическая грусть». От «эманации душевного одиночества» Белого избавит Ася.

С Асей Белого ждут почти десять лет счастливой жизни. 26 ноября 1911 г. они уедут в заграничное путешествие и посетят Венецию, Рим, Палермо, Тунис, Каир. 6 мая 1912 г., после слушания лекции Штейнера, они решат встать на путь Антропософии. В 1914 г. Белый работает резчиком при постройке Гётеанума, а Ася украшает «Иоаново здание» живописью. 23 марта 1914 г. дата бракосочетания Белого с Асей в городе Берне. Насыщенные года светлыми знакомствами и работой. За восемь лет пишутся основные труды: роман «Петербург», исследование «Гёте и Штейнер», автобиографический роман «Котик Летаев», поэма о звуке «Глоссолалии» в некотором смысле продолжит начало поэмы «Первое свидание» (поэтическое осмысление прожитых лет, написанное в 1921 г.), он познакомится с Ивановым-Разумником и Христианом Моргенштерном, последнему он по-

святит сборник «Звезда», а с Разумником будет состоять в долгой дружбе и переписке. Однако 1922 год снова знаменуется крахом: «У меня трагедия: Ася ушла от меня». Разрыв намечался ещё в 1918 г. «Записки чудака» тому пример; в «Записках» появляется и очередное альтер-эго Белого «Леонид Ледяной». В том же году пишется поэма «Христос Воскрес». Критики скажут, что это ответ Блоку на поэму «Двенадцать», но критики часто ошибаются — «обстановка написания поэмы заслонила от критиков основной момент поэмы: она живописует событие индивидуальной духовной жизни».

После расставания с Асей начинается эпоха знаменитых танцев Белого, его безудержного, ужащающего фокстрота, «и весь русский Берлин стал любопытным и злым свидетелем его истерики», его снов на лестнице вниз головой: «Мне смешно даже, что «вверх пятами» оказалось в буквальном смысле».

По возвращении в Москву — «Московское отделение Русского Антропософского общества», «Единый государственный архивный фонд

в московском Пролеткульте», «Театральный отдел Наркомпроса», «московский «Дворец искусств», лекции, лекции, лекции — о проблемах культуры. Всё омрачено экономической ситуацией в стране, соответственно личной финансовой неурядицей: «... бедный, бедный Белый, из «Дворцов искусств» шедший домой, в грязную нору, с дубящим топором справа, визжащей пилой слева, сапожищами над головой и грязищей под ногами...» — напишет Цветаева. С Мариной Цветаевой Белый подружится в 1922 г. и посвятит ей «После разлуки» — это будет обратной стороной медали «Разлуки» Цветаевой:

«Я пишу Вас — дальше. Это будет целая книга: «После Разлуки», после разлуки — с нею, и «Разлуки» — Вашей. Я мысленно посвящаю ее Вам, и если не проставляю посвящения, то только потому, что она Ваша, из Вас, я не могу дарить Вам Вашего, это было бы — нескромно».

«После разлуки» Белый окрестит как «мелодизм», возможно, именно этот сборник наиболее ритмически созвучен современной поэзии:

«Чтобы —
— Плавал
Смежаемым взором
Сквозь веки
Я
Где-то
Средь брызгов разбившейся тверди —
— Простором
И
Мглой, —
Чтобы —
— Капала —
— Лета
Забвения в веки
Средь визгов развившейся
Смерти —
— Простором
И
Мглой!..»

Но мрачные тона «После разлуки» окрашиваются яркими красками морского берега в 1924 г. «5 недель провел, лежа животом на пляже; загорел, как «арап». Эпицентр — дом Волошина в Коктебеле — «много народу из Москвы и Ленинграда (Коля Чу-

ковский, Шкапская, Полонская, художн<ица> Остроумова с мужем, жена Евреинова); ждем Козьму Сергеевича; скоро приедет Андрей Соболев». Там начинаются каменные забавы Белого — выискивание опалов, агатов, яшм, сердоликов и халцедонов. Эдакое возвращение к цветовой палитре «Золота в Лазури». На новом витке. Собирая самоцветы, Белый располагает их в цветовые гаммы: «Орнаменты камешков перейдут в орнаменты слов. Из головы не придумаешь так, как подскажет природа». И пишется роман «Москва».

А в 1925 г. у Белого появится тихий уголок в Кучине, сейчас там его дом-музей. В Кучине Белый начнёт работу над Историей Становления Самосознающей Души, живя со своей «милой» — последней женой и соратницей — Клавдией Васильевой. Ей мы благодарны за сохранение трудов Белого (чего стоило дважды вручную переписать Историю Становления Самосознающей Души). Собственно, над «Историей» Белый и трудится последние годы, переосмысливая «ритмическую кривую». В 1929 г. он вновь возьмётся перекраивать «Золото в Лазури»: «усиленная правка рит-